

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Рэй
БРЭДБЕРИ

*Полночный
танец дракона*

Москва

2017

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury
ONE MORE FOR THE ROAD
Copyright © 2002 by Ray Bradbury

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Полуночный танец дракона / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. М. Воронежской]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-699-97060-5

Жизнь — это сделка с Богом, за которую надо платить. Старый трамвай везет гуляк из танцевального зала — в прошлое. Пьяный киномеханик путает местами части фильма — и тот получает в Каннах «Золотую пальмовую ветвь». От современного классика американской литературы — двадцать пять историй о любви и смерти. В этих рассказах все фирменные «фишки» Брэдбери: тайны и мистика, ностальгия и светлая печаль, размышления и поиски...

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

© М. Воронежская, перевод
на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97060-5

Посвящения

*Дональду Харкинсу — моему дорогому другу,
которого всегда люблю и помню.*

*Также посвящаю эту книгу
ФОРРЕСТУ ДЖ. ЭКЕРМАНУ,
который в далеком 1937 году
выгнал меня из колледжа,
вынудив заняться писательством.*

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Заветное число настигло Чарльза Дугласа за завтраком — когда он заглянул в газету. Он откусил тост, на всякий случай взгляделся в число еще раз — и медленно опустил газету на стол.

— Ну, надо же! — сказал он.

— Что такое? — слегка вздрогнув, отозвалась его жена Элис.

— Сегодня то самое число. Четырнадцатое сентября.

— Что значит — то самое? — спросила она.

— Первый день занятий в колледже!

— И что дальше?

— Первый день... Когда все встречаются после каникул.

Элис настороженно следила за тем, как он встает из-за стола.

— И что?

— Да-да, все правильно — сегодня первый день...

— А мы-то тут при чем? — спросила она. — Детей у нас нет, знакомых учителей тоже... Даже друзей, у которых есть дети, тоже нет.

— Да-да, конечно. Просто... — Голос Чарли дрогнул, он снова взял газету в руки. — Я обещал...

— Что обещал? Кому?

— Нашей компашке обещал, — сказал он, — давно, много лет назад... Сколько сейчас времени?

— Полвосьмого.

— Надо спешить, — сказал он. — А то опоздаю.

— Кофе еще будешь? По-моему, ты слишком разволновался. В зеркало посмотри на себя...

— Надо же, я все-таки вспомнил! — Он смотрел, как кофе льется в его чашку, наполняя ее до самых краев. — Вспомнил про наш уговор. Росс Симпсон, Джек Смит, Гордон Хайнс... Мы же все поклялись — чуть ли не на крови. Что встретимся в первый день через пятьдесят лет после окончания колледжа.

Жена выпрямилась и наконец-то оставила в покое кофейник.

— Что, прямо в сентябре 1938 года поклялись?

— Да, прямо 38-го.

— И что же, эти Росс, Джек и... как его?

— Гордон!

— Просто вот так взяли и...

— Нет, не просто. Мы же знали, что разлетимся по свету и, может быть, встретимся только через много лет, а может, вообще никогда не встретимся... И мы все торжественно поклялись, что, несмотря ни на какие преграды, обязательно вспомним и приедем, пусть даже для этого придется пересечь весь земной шар... И встретимся на школьном дворе, возле флагштока, в 1988 году.

— И что, вы все прямо дали друг другу такое обещание?

— Не просто обещание — клятву... Господи, что же я тут сижу — я ведь уже давно должен быть в машине.

— Чарли, — сказала Элис, — ты хоть понимаешь, что до твоего колледжа отсюда — километров шестьдесят?

— Пятьдесят.

— Ну, пятьдесят. Допустим, ты выезжаешь сейчас, и...

— К полудню уже буду на месте. Или даже раньше.

— Знаешь, как это выглядит со стороны, Чарли?

— Ну, давай, давай, — сказал он, — расскажи мне, ты же, как всегда, знаешь все наперед.

— А представь, вот ты припрешься туда — а там никого нет?

— То есть как это никого? — срывающимся голосом воскликнул он.

— Так это — никого! Вдруг ты один такой идиот, который принял все это всерьез и...

— Не может быть, они обещали! — оборвал ее он.

— Но с тех пор прошла целая жизнь!

— Они — обещали!

— А если они передумали — или просто забыли?

— Они не могут забыть.

— Почему это?

— Потому что это были самые лучшие на свете парни, это были лучшие мои друзья, навсегда. Ни у кого в мире нет и не было больше таких друзей.

— Ах ты господи, боже мой! — пропела она. — Святая простота.

— Это я — святая простота? Но, послушай, ведь я-то вспомнил — и они, между прочим, тоже могли вспомнить!

— Нет, не могли. Для этого надо быть таким же чокнутым на всю голову, как ты!

— Спасибо за комплимент.

— А что, скажешь, я неправа? Да ты зайди к себе в кабинет... Паровозики «Lionel», машинки «Mg. Machines», мягкие игрушки, постеры!

— И что?

— А папки с письмами? Это у меня письма 60-х, это — 50-х, это — 40-х... Господи, когда ты только соберешься их выкинуть...

— Это не просто письма.

— Это тебе они — не просто. А все эти твои друзья и незнакомцы по переписке — думаешь, они тоже хранят твои письма, так же как ты — их?

— Я, между прочим, пишу интересные письма.

— Да, да, очень интересные. А ты попробуй, обзвони своих адресатов — и попроси переслать их тебе обратно, хотя бы одно. Как ты думаешь, сколько тебе пришлют?

Он молчал.

— Правильно: ни хрена не пришлют! — сказала она.

— Совсем не обязательно так выражаться, — заметил он.

— А что, «хрен» — это теперь ругательство?

— В твоём исполнении — да.

— Чарли!

— И не «чарли» меня!

— А тридцатилетний юбилей театральной студии, на который ты поперся, чтобы встретиться с какой-

то там Салли — или еще черт знает с кем? А эта чув-
вырла даже не вспомнила, кто ты такой!

— Ну, давай выгащи теперь все... — сказал он.

— Господи боже мой! — вздохнула она. — Нет,
ты, пожалуйста, не подумай, что я решила испортить
тебе праздник. Просто... не хочу, чтобы ты опять
страдал.

— Ничего, у меня толстая кожа.

— Знаю, знаю... Строишь из себя слона, а сам
охотишься на стрекозок.

Он уже стоял на изготовку. С каждой ее новой
фразой он как будто становился выше ростом.

— Это будет славная охота... — сказал он.

— Ну-ну... — то ли со вздохом, то ли со всхлипом
отозвалась она. — Значит, поедешь.

— Да, мне пора.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Ладно, я пошел.

И дверь закрылась.

Почему-то у него было чувство, будто скоро Но-
вый год.

Он рванул с места, потом опомнился, отпустил
газ — и стал жать постепенно, пытаясь синхронизи-
ровать шум мотора с шумом в голове.

...Или — как будто только что закончился Хелло-
уин и все разъезжаются по домам после вечеринки.

Очень странное ощущение.

Он ехал в хорошем темпе, но при этом то и дело
посматривал на часы. Времени был еще вагон, он
прекрасно успевал до обеда.

А почему, собственно, до обеда? Зачем? Может,
Элис права? Сорвался, как мальчишка, неизвестно

куда, неизвестно зачем. «Я обещал, мы поклялись...» Кто они мне, собственно говоря? Какие-то далекие персонажи из детства. Что с ними стало сейчас, вообще непонятно. За столько лет — ни писем, ни телефонных звонков, ни случайных встреч в стиле «мир тесен», ни сообщений о кончине... Хотя это как раз интригует! Ради этого стоит давить на газ. И умирать от нетерпения. Он хохотнул вслух. «Ну, когда же... ну, когда же?!» В детстве они постоянно так говорили. Тогда было много поводов умирать от нетерпения. Например, каждый раз — ждать миллиарды лет до Рождества. Или до Пасхи... Хотя до Пасхи — нет, всего пара миллионов, не больше. А Хеллоуин? Старый добрый Хеллоуин — кругом тыквы, все бегает, орут, долбят друг другу в окна, звонят в звонки, а ты дышишь в горячую маску, и она пахнет картоном. День Всех Святых! Самый любимый. Когда-то. А как мы ждали Четвертое июля — надо было раньше всех проснуться, раньше всех кое-как что-то на себя нацепить, первыми выбежать на лужайку и взорвать к чертовой матери весь город с помощью шестидюймовых фейерверочных шаров... Да, все-таки Четвертое июля. Оно — самое крутое! Самое-пресамое — ну, когда же.

Хотя, наверное, в те времена все дни были такие — «ну, когда же». И дни рождения, и поездки на озеро, и фильмы с Лоном Чейни¹. И горбун Квазимодо, и Призрак оперы... Все такое, что «ну, когда же, когда же?!». Я и сейчас бы не отказался копать

¹ Л о н Ч е й н и — выдающийся американский актер немого кино, который прославился способностью до неузнаваемости изменять свою внешность, за что получил прозвище «Человек тысячи лиц».

в овраге землянки. И чтобы фокусники приезжали каждый год. Прямо сейчас рванул бы жечь бенгальские огни. Вот прямо в эту же секунду! Ну, когда же?!

Он сбавил ход, чтобы лучше рассмотреть Время, сквозь которое ехал.

Теперь уже недалеко. Недолго осталось. Старина Росс! Дружище Джек! Гордон... ну, это Гордон. Мы же банда. Кто на нас? Настоящие три мушкетера. Нет, даже не три — четыре, если вместе со мной.

Мысленно он огласил весь почетный список. Первым в нем шел, конечно, Росс: он считался старшим, хотя все мы были одного возраста. Этот был уж точно самый шустрый щенок в нашем помете. И самая светлая голова. По учебе шел лучше всех, при этом никогда не задавался. Читал все подряд. По средам слушал шоу Фреда Аллена¹, а наутро пересказывал нам лучшие шутки. Несмотря на бедность, любил красивую одежду. У него был всего один галстук, один ремень, один пиджак, одна пара брюк, но все всегда отличного качества. И всегда чистое и выглаженное. Это по поводу Росса.

Дальше Джек — будущий писатель, который типа собирался завоевать весь мир и стать величайшим в истории. Так, во всяком случае, он провозглашал, а точнее, вопил на всех углах. Таскал в карманах пиджака не меньше шести ручек и знаменитый желтый блокнот, благодаря которому «Стейнбек однажды перестанет быть Стейнбеком». Вот такой был Джек.

Ну, и Гордон, который перемещался по кампусу исключительно по штабелям девиц, визжащих от

¹ Фред Аллен (1894—1956) — американский комик, чье абсурдное шоу на радио сделало его одним из самых популярных юмористов.

восторга, не прикладывая для этого никаких усилий. Ему достаточно было мигнуть — и они падали под ноги, как перезрелые яблоки.

Росс, Джек, Гордон — привет, друзья!

Он разогнался было, но снова притормозил.

Интересно, а что они подумают про меня? О, братец, да ты крут! А насколько я крут — и крут ли я вообще? Девяносто рассказов, шесть романов, один фильм, пять пьес — в принципе не так уж и плохо... Да нет, к черту, лучше вообще не буду ничего им рассказывать, вот еще — пусть про себя рассказывают, а я послушаю.

Ну, вот, допустим, встретились мы у флагштока. И что мы друг другу скажем? Привет! Здорово! Боже, какая встреча! Мы все-таки собрались! Как сам, как здоровье, что нового? Давай колись: что у тебя там? Жены, дети, внуки, фотки и все такое...

А, да ты писатель? Давай-ка изобрази нам что-нибудь, приличествующее моменту. Стишок какой-нибудь. Хотя нет, стихи — вряд ли это теперь актуально. Ну да, пожалуй, это было бы слишком. «Я вас люблю — всех вас троих...» Или что-нибудь типа: «Я бесконечно вас люблю...»

Он еще сильнее сбросил скорость, вглядываясь вперед, в призрачные тени за ветровым стеклом.

А если они вообще не приедут? Да нет, вряд ли. Должны. Нет, они все будут на месте, и все будет хорошо. Я понимаю, если бы жизнь у них не удалась — какие-нибудь там несчастливые браки и все прочее, — тогда бы они не приехали. Такие парни, как они — точно нет. Ну а если все хорошо, даже не просто хорошо, а классно — почему бы и не приехать? Хотя бы для того, чтобы доказать: вот смо-

трите, у меня все хорошо, я все вспомнил и приехал. Веришь не веришь? Верю!

Он снова решительно надавил на газ — надо спешить, раз все уже собрались. Потом опять притормозил — в приступе ужаса, что там его никто не ждет. Потом еще раз газанул. Черт знает что. Это просто черт знает что!

И так въехал во двор колледжа. Как ни парадоксально, там даже нашлось место для парковки. У флагштока толклись студенты, но их было до обидного мало. Явно недостаточно, чтобы затеряться и сделать вид, что никто тут и не собирался никому назначать встречу. Ведь его друзьям-старперам вряд ли хотелось бы приехать и торчать тут у всех на виду? По крайней мере ему уж точно не хотелось. Гораздо лучше лениво разгрести толпу и явиться на место последним: встречайте, главная интрига нашего праздника!

Он отсиживался в машине до тех пор, пока из колледжа не высыпала толпа девушек и молодых людей, которые все одновременно что-то болтали. Они, о счастье, остановились как раз возле флагштока, а значит, теперь все вновь прибывшие — неважно, какого возраста, — могли незаметно затесаться в их ряды. Он вылез из машины и некоторое время боялся смотреть в сторону флагштока. А вдруг там никого нет? Никто не приехал, никто ни о чем не вспомнил. Это было бы так тупо... Он с трудом удержал себя от соблазна запрыгнуть обратно в машину и уехать.

Под самим флагштоком никого не было. Студенты толпились вдоль, поперек и вокруг него, но прямо под ним — никого.

Некоторое время он гипнотизировал флагшток взглядом, как будто это могло заставить кого-нибудь